

Эмиль Паин*

От федерализма к цивилизационному национализму: дрейф этнополитической проблематики

Федерализм в России сейчас не в моде. О нем перестали говорить политики, практически не пишут публицисты, да и в научных исследованиях эта проблематика стала почти маргинальной. На конференции «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы» (Москва, 1–3 ноября 2010 года) не было представлено ни одного доклада по этой теме, хотя еще несколько лет назад именно федерализм лидировал в списке наиболее популярных тем научных выступлений. Основная причина падения интереса к федерализму понятна – он перестал существовать как политическая реальность современной России. Усиление централизации в государственном управлении превратило федерализм в некую ритуальную процедуру одобрения назначаемого центром главы субъекта Федерации депутатами символического законодательного собрания региона. Субъекты Федерации утратили свою политическую субъектность и стали всего лишь объектами централизованного управления, так называемой «вертикали власти». Но есть и другая причина упадка федерализма. Она связана с изменением этнополитической ситуации в стране. Именно этим изменениям посвящен мой доклад.

Колебания этнополитического маятника

В начале 2000-х гг. я предложил концепцию этнополитического маятника, которая, на мой взгляд, пока подтверждается. В самой упрощенной форме ее можно изложить так. После распада СССР первыми преодолевают кризис идентичности этнические меньшинства, используя для этого этническую мобилизацию. Затем активизируется этническое большинство (русское население). Но резкий взлет национализма большинства во всех полиэтнических странах мира провоцировал новый цикл активизации этнических меньшинств¹. Пока этнополитические события развиваются именно по такому сценарию.

В 1990-х годах этнополитическая проблематика в России в основном была связана с этнической мобилизацией групп населения так называемых

---

* Эмиль Абрамович Паин – доктор политических наук, генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований, профессор ГУ Высшая школа экономики, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН (г. Москва).

¹ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. 328 с.

«титულных национальностей» в республиках Российской Федерации. В ряде случаев такая мобилизация приводила к открытым столкновениям больших групп населения с федеральной властью. Основным инструментом снятия этого противоречия в те годы выступал федерализм, пусть и весьма несовершенный.

В первом десятилетии 2000-х годов этнополитическая ситуация радикально изменилась: ее фокусом стали проблемы взаимоотношения этнического большинства с иноэтническими мигрантами, прибывающими в крупнейшие города России. При этом проблема «мы – они» необязательно с иммигрантами (гражданами иных постсоветских государств), но и с внутренними мигрантами. Более того, с 1994 года наивысшие проявления этнического негативизма со стороны русского населения притягивают к себе их же сограждане из республик Северного Кавказа. Сложилось парадоксальное явление, при котором вся система законодательных актов и других форм регулирования направлена на ограничение внешней миграции, тогда как наиболее острые проблемы возникают между этническими группами внутри России, и эта сфера совершенно лишена какого-либо регулирования. Специализированные правительственные ведомства упразднены. Ни одного законодательного акта за последние 10 лет не принято, включая и поправки в действующие законы.

В новых условиях усилилась роль популистских политических сил, пытающихся извлечь политическую выгоду на разжигании этнических фобий большинства населения. Этническому большинству на выбор предлагаются две идеи, в равной мере противостоящие федерализму, – имперская идея и национализм.

В теории имперский и националистический принципы являются антиподами уже потому, что национализм как политическое течение предполагает суверенитет народа-нации, тогда как имперский режим – это суверенитет власти (империума). Однако в реальной исторической практике такого жесткого противопоставления двух принципов не существовало. Лишь националистические движения этнических меньшинств могли, и то только на определенных этапах своей активности, придерживаться классических норм национализма. Что касается националистических движений, выступающих от имени этнического большинства империй, то они чаще всего поддерживали идею сохранения державы как тела нации и ее имперского режима как стержня нации. По крайней мере, в империи Романовых, в поздней фазе ее существования, возникли именно такие русские националистические движения (Союз Михаила Архангела, Союз русского народа, «Черная сотня» и др.). И в настоящее время немалая часть русских националистических организаций признает одновременно и доминирующую

роль этнических русских в политической системе России, и идеалы имперского ее устройства.

Вместе с тем сохраняются и различия двух принципов. Так, рост этнической подозрительности плохо сочетается со стремлением удержать народы в едином государстве. Лозунг «Россия для русских!» абсолютно противоположен традиционному имперскому лозунгу «Все народы – подданные одного государя» (с необходимыми вариациями, если империя – не монархия). В современной политической жизни то и дело вспыхивают горячие дискуссии между имперцами (они же – державники) и русскими этнонационалистами. Державники утверждают, что русский национализм для имперского возрождения вреден и даже ведет к распаду России. Этнонационалисты отвечают, что имперский режим в прошлом высосал из русского народа всю кровь, а ложные наднациональные доктрины лишь мешают созданию этнонационального государства, в котором русский народ будет признан, наконец, единственным государствообразующим.

Компромисс между этими силами сложился на основе идеи цивилизации как надэтнической общности, формирующей некие ментальные признаки, общие для всех наций, входящих в единую цивилизацию. Так появилась идея российской (или евразийской) цивилизации, а на ее основе сложилась и политическая доктрина, которую я предлагаю называть «цивилизационным национализмом».

Эта доктрина базируется на следующих постулатах:

- существует особая российская цивилизация, и она определяет неизбежность в России не просто ведущей роли государства в политической системе, но и особой роли персоны лидера нации, ее вождя или монарха²;
- естественной территориально-политической формой такой цивилизации выступает империя³ (это уступка имперской идее);
- ведущую роль в империи должен играть русский народ, и это должно быть так или иначе закреплено законодательно⁴ (вот это уступка русскому национализму).

Такая доктрина, по мысли ее изобретателей, например, авторов «Русской доктрины», должна обеспечить сохранение многонационального государства (и в этом смысле заменить собой федерализм, якобы несвойственный

---

² См., напр.: *Володихин Д.* Нам нужна самодержавная монархия, несколько смягченная рядом представительных учреждений // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра* / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М., 2007.

³ См., напр.: *Юрьев М.* Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра* / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М., 2007.

⁴ См., напр.: «Русская доктрина» (Сергиевский проект) / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М., 2007.

ментально российской цивилизации), и, одновременно, закрепить ведущую роль русского народа в государстве⁵. Между тем, текст доктрины не оставляет ни малейших сомнений в трактовке «особой российской цивилизации» вовсе не как многонациональной, а именно как русской – этнически русской. Авторами доктрины общество «мыслится как живой социальный организм, основу которого составляет государствообразующий русский народ – русские». А какое место предоставляется другим народам? В доктрине они называются «иноплеменниками» и им дается почетный, по мысли авторов, статус «родственников», разумеется, младших, признающих «родоначальника и основателя дома». Таким образом, советскую идею народов как старших и младших родственников авторы позаимствовали, но развили, переведя русских из старших братьев в родоначальники. А вот советскую же концепцию интернационализма доктрина отвергает вовсе – как «игнорирующую иерархию этнокультурных ценностей России». Как отмечает известный российский исследователь Г. Зверева, «Русская доктрина» буквально пронизана оппозициями «мы – они», «свои – чужие», «Россия – Запад», «либерализм – консерватизм», «русские – нерусские» и др.⁶

Цивилизационный национализм распадается на множество течений, которые я попытаюсь кратко охарактеризовать.

Политические течения цивилизационного национализма

Разумеется, не все представители этого направления явно декларируют свою приверженность «особому пути», и еще меньше тех, кто использует сам термин «цивилизационные особенности» для построения своих теорий. Мы выделяем как цивилизационных националистов именно тех авторов и те группы, у которых можно обнаружить перечисленные выше три признака цивилизационного национализма.

«Красные патриоты» – прокоммунистическое крыло цивилизационного национализма. Исторически появилось первым в постсоветской России, в самом начале 1990-х годов (тогда оппоненты именовали их «красно-коричневыми»). Для идеологов этого направления «особая цивилизация» – это империя в границах бывшего Советского Союза (может быть, с теми или иными коррекциями, но СССР видится как основа легитимации будущей России), облеченная миссией победить империю Запада (ее еще называют «евроатлантической» или «американской»). Такая миссия обусловлена национальным характером русского народа, движимого идеалами коммунизма (вариант равенства и соборности, удачно воплотившийся в коммунизме) и созидающего новую великую империю. Примечательно, что

⁵ Там же. С. 864.

⁶ См.: Зверева Г. Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины» // Верхи и низы русского национализма / Сост. А. Верховский. М., 2007. С. 128.

коммунистические идеалы рассматриваются этой весьма экзотической, но до сих пор широко распространенной доктриной не как заимствования западного марксизма, а как проявления национального «русского духа». С декларации подобных идей начинали свою деятельность многие организации «красных патриотов». Это ранняя «Память», а затем и множество так называемых «фронтов» борьбы с западным капитализмом начала 90-х (Объединенный фронт трудящихся, Союз офицеров, Фронт национального спасения и др.)⁷. Затем та же линия была продолжена в КПРФ и создаваемых ею коалициях с националистами. Однако ностальгия по СССР постепенно слабела, и лидеры КПРФ стали больше педалировать не столько имперскую, сколько националистическую компоненту гибрида «российская цивилизация». Весьма характерно в этом отношении позиционирование лидера КПРФ Г. Зюганова на президентских выборах 2008 г. Его представляли следующим образом: «Зюганов неугоден Мировому правительству и команде Путина не только потому, что он коммунист, а потому, что он единственный из кандидатов в президенты русский и по крови, и по духу. В отличие от других кандидатов – западников Зюганов убежден, что Россия больше чем страна, что она не охвостье Запада, а самобытная русская цивилизация, что субъектом национальных интересов России является не прозападная элита, а российский народ, 83% которого составляют русские. Поэтому русский язык и русская культура являются духовной основой единства России. Об этом Зюганов написал в своих книгах “О русских и России”, “Святая Русь и Кашеево царство”»⁸.

Черносотенцы – крайне правые, православно-националистические организации, подчеркивающие свою историческую связь с аналогичными в идейном плане организациями царской России⁹. В 1905 году сформирова-

⁷ Верховский А. Идеиная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы // Верхи и низы русского национализма. М., 2007. С. 10.

⁸ Никитин В.С. О президентских качествах Г.А. Зюганова: Он соединил в себе две ипостаси – коммуниста и патриота-государственника, сражающегося за спасение России // Официальный сайт КПРФ. 2008. 7 января [http://kprf.ru/vibory2008/chronicle/54161.html].

⁹ *Черная сотня* – в русской правовой литературе XIX века так называлось население, коллективно платившее налоги и делившееся на «сотни», представлявшие собою военно-административные единицы России. Этот термин был использован для самоназвания крайне реакционными, антиреволюционными и антисемитскими организациями России, появившимися во время первой антимонархической революции 1905–1907 годов. К черносотенным относились такие организации, как Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, Совет объединенного дворянства, Русская монархическая партия, Общество активной борьбы с революцией и др. Черносотенцы были причастны к массовым погромам еврейских поселений, а также осуществляли физическое уничтожение политических оппонентов. Термины «черная сотня» и «черносотенцы» вошли в широкое употребление в русском языке в значении ультраправых политиков и антисемитов. Существенная часть современного рус-

лась организация под названием «Черная сотня», выступавшая за политическое закрепление доминирующей роли русского православного населения в империи Романовых. Эту же идею поддерживают и их наследники в современной России.

Православные фундаменталисты. Одной из видимых причин стратегической неудачи черносотенной пропаганды была ее непонятность широким кругам сограждан: архаичная православная и монархическая риторика кого-то притягивала, но большинство отталкивала. Но по мере роста и интеллектуального укрепления (пусть только относительного) околоцерковной общественности у черносотенцев нашлась новая аудитория, и они сошлись с совсем новыми активистами – православными фундаменталистами. Последние тоже были отнюдь не чужды этническому русскому национализму, но главным для них было другое – битва с Антихристом, проявляющим себя, например, в навязываемых постсоветскими властями в подражание Западу символах (товарные штрих-коды, ИНН и т.п.). Особая же роль России понималась в религиозных терминах: Россия – престол Богородицы, последний оплот веры в мире, погружающемся в апостасию, и т.д. Так на рубеже 1990-х и 2000-х годов сформировалось довольно заметное движение русских православных фундаменталистов¹⁰. Руководству РПЦ (против которого в первую очередь выступали фундаменталисты) удалось ослабить это движение, и оно так и не стало (возможно, пока) важным фактором российской политической сцены, хотя и внесло свою лепту в националистическую повестку дня.

Неоевразийцы – еще одно откровенно антизападническое политико-идеологическое течение, сложившееся в середине 1990-х гг. Оно неразрывно связано с именем Александра Дугина, политические взгляды которого неоднократно менялись. Но дело, собственно, не в его взглядах, а в удивительной роли, которую сыграл этот человек в становлении русского национализма¹¹. До 1998 года он был ведущим идеологом Национал-большевистской партии. Позже Дугин сумел воспользоваться тем, что некие весьма приблизительные представления о евразийстве¹² как о двойственной

ского национализма если не выводит себя напрямую из черносотенства начала XX века, то не отрицает своей идейной близости с этим движением.

¹⁰ Подробнее о нем см.: *Верховский А.* Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М., 2003.

¹¹ *Ларюэль М.* Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М., 2005. С. 226–253.

¹² *Евразийство* – философско-политическое движение, сложившееся в среде русской эмиграции в 1920–1930-е годы. Начало ему положил сборник статей Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Флоровского и П.П. Сувчинского «Исход к Востоку» (София, 1921). Авторы провозглашали Россию особым культурно-историческим типом – «Евразией», акцентировали

русско-тюркской и православно-мусульманской сущности России широко распространились в политическом истеблишменте. Взгляды самого Дугина при этом всегда были ближе отнюдь не к классическому евразийству, а к западным «новым правым», что позволяет охарактеризовать эти взгляды как неофашистские. Отказавшись от бывшего радикализма (отнюдь не полностью, конечно, речь идет скорее о перемене имиджа), Дугин стал успешно эксплуатировать эти банальные антизападные представления, выдвигая себя на роль интеллектуального гуру уже не для нацболов, а для чиновников различного ранга. Созданные им в начале 2000-х организации «Международное евразийское движение» и «Евразийский союз молодежи» эфемерны и малолюдны, но список руководства МЕД впечатляет избытком статусных деятелей¹³. А главное, его идеи в той или иной мере используют все перечисленные отряды русского национализма, как бы они ни относились к самому Дугину. При всех изменениях его политических взглядов две основные идеи повторяются в его работах как заклинания: необходимость построения Евразийской империи, по крайней мере в масштабах бывшего Советского Союза, и противостояния так называемому «англосаксонскому либерализму»¹⁴.

Неонацистские группировки. Сейчас русские неонацисты – это ориентированное на молодежную среду и наиболее агрессивное движение. История русского неонацизма уходит еще в советское время, но и тогда, и в 90-е годы неонацизм был не настоящим, а скорее имитационным. Организации, которые чаще всего заслуживали звание «русских фашистов», даже если сами называли себя фашистами или нацистами, в большинстве случаев не были таковыми, опирались на эклектичные идеологии и были непохожи ни на классические нацистские организации, ни на послевоенных западноевропейских неонаци. В первую очередь это относилось к Русскому национальному единству (РНЕ), которое в середине 90-х годов подмяло под себя или вытеснило почти все группировки радикальных русских националистов. РНЕ одобряло Гитлера, но культивировало традиционный русский патриотизм, организация числилась православной, но взгляды лидера и многих активистов были чрезмерно экзотичны для того, чтобы принять такую самоидентификацию, и т.д. РНЕ было военизированной организацией, но вовлеченной в сравнительно небольшое (для ее огромного размера – до 15 тыс. человек в лучшие времена) количество насильственных акций. В

внимание на связи ее с азиатско-тюркским миром и противопоставляли Россию Европе, то есть Западу.

¹³ Подробнее см.: *Кожевникова Г., Шеховцов А. и др.* Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М., 2009. С. 248–253, 270–280.

¹⁴ См., напр.: *Дугин А.* Ален де Бенуа и «Европейская идеология» // Предисловие к книге Алена де Бенуа «Против либерализма: к четвертой политической теории». СПб., 2009. С. 5–9.

2000 году РНЕ развалилось на много мелких организаций – отчасти под давлением властей, отчасти из-за собственной бездеятельности¹⁵.

Крах РНЕ обозначил некую общую политическую тенденцию: тупиковое состояние радикального русского этнического национализма, сложившегося в 90-е годы. Их пропаганда больше не действовала на массы. Она не давала прироста их организациям. Они все больше теряли поддержку избирателей на выборах, к тому же с начала 2000-х годов и сами выборы стали сугубо имитационными, не отражающими реальные общественные настроения. Военизированные структуры утратили смысл – их негде было применить в условиях политической демобилизации общества. И наконец, часть лозунгов националистов в эти годы была перехвачена властями. В таких условиях радикальный национализм принялся искать новые формы.

Одним из проявлений этого поиска стал быстрый рост движения наци-скинхедов. Зародилось это движение в середине 1990-х годов в России и изначально было построено на копировании западноевропейских движений наци-скинхедов. Такое копирование подразумевало, во-первых, изучение и воспроизведение неонацистской идеологии White Power (мнение, что скинхеды – это сплошь тупые хулиганы, было сильным преувеличением уже тогда), во-вторых, освоение внешних проявлений субкультуры западных ультраправых (в одежде, музыкальных стилях, формах и стиле поведения в публичной сфере) и, в-третьих, демонстрация активности – систематическое (в идеале) уличное насилие против любых «инородцев» (сперва приоритетны были акции против чернокожих, т.к. так делали в Европе, потом – против выходцев с Кавказа, еще позже – против людей с внешностью представителей коренных национальностей Центральной Азии).

Активность наци-скинхедов постоянно нарастала, и в начале 2000-х масштаб их преступлений был таков, что его уже нельзя было не заметить. Еще через пару лет, в середине десятилетия, неонаци стали не просто заметной, но и самой активной и многочисленной частью русского националистического движения. Их перевес был столь очевиден, что с тех пор ни один националистический проект, претендующий на не маргинальную роль, не может без них обойтись¹⁶.

В последние годы проявились некоторые признаки ослабления моды на субкультуру скинхедов, по крайней мере в крупнейших городах страны. К началу 2000-х годов в националистической среде ощущалась потребность в другом варианте национализма, приемлемом как для наци-скинхедов, так и для более консервативных в своих поведенческих и мен-

---

¹⁵ Наиболее полная история РНЕ: *Лихачев В., Прибыловский В.* Русское Национальное Единство, 1990–2000. В 2 т. Stuttgart: Ibidem, 2005.

¹⁶ *Верховский А.* Идеиная эволюция русского национализма... С. 13–14.

тальных привычках граждан. Эту потребность попыталось использовать Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), появившееся на политической сцене России в 2002 году. Оно предложило русской молодежи, а затем и не только молодежи, проверенный еще РНЕ и популярный продукт в виде лозунга: «Россия для русских». ДПНИ яснее, чем неонацисты, сформулировало образ основного врага русских: формально это иноэтничные иммигранты, а фактически все «инородцы». «Мигрантофобия» стала не только общепонятной, но и легальной версией националистической пропаганды: ее можно было формулировать не в этнических терминах и выступать практически в унисон с множеством чиновников, рассуждающих о необходимости ограничения иммиграции (со столь же прозрачными этническими коннотациями). Первоначально ДПНИ не выступало с какими-либо политическими декларациями, кроме единственной и главной идеи – обеспечения господства этнических русских в стране, и это также обеспечило симпатии к ДПНИ у многих сторонников иных групп и течений русских националистов, включая наци-скинхедов, поскольку такая простота повестки позволяла избегать идеологических расколов, давно признанных одной из главных проблем движения русских националистов. Поначалу ДПНИ проявляло лояльность к властям, что заметно уменьшило давление на него со стороны правоохранительных структур. ДПНИ не выглядело как подражательный, привнесенный с Запада политический феномен, и в то же время лидер ДПНИ Александр Белов справедливо ссылаясь на то, что основное требование ДПНИ идентично основному требованию европейских ультраправых, в том числе соответствующих парламентских партий, и это придавало движению солидности. При этом ДПНИ неразрывно связано с предшествующими течениями русского национализма: сам А. Белов – выходец из Национально-патриотического фронта «Память» и до сих пор сохраняет связи с ним.

В то же время во второй половине первой путинской каденции растущая популярность в России идей национализма превратила их в ценный политический ресурс, который не мог быть оставлен без внимания большинством российских политических партий антилиберальной направленности. КПРФ, которая еще в 1990-е годы осваивала идеи цивилизационного национализма (формально не отказываясь от традиционной для левых сил идеи интернационализма), в 2002–2003 годах переживала подъем этнонационалистической риторики. Либерально-демократическая партия В. Жириновского, почти утратившая всякую идейную окраску к исходу 1990-х гг., в первой половине 2000-х гг. снова стала педальировать идею русского национализма, соединенного с социальным популизмом (и выдвинула на выборах в Думу пятого созыва лозунг: «Мы за бедных, мы за русских»).

А власти к парламентским выборам 2003 года создали сначала избирательный блок «Народно-патриотический союз “Родина”», а затем и партию «Родина».

Российская власть и программы цивилизационного национализма

Политическая элита России находится на распутье. С одной стороны, русский этнонационализм является для российских властей заведомо неприемлемой стратегией, так как провоцирует подъем этнонационализмов меньшинств и чреват конфликтами. С другой стороны, национализм чрезвычайно привлекателен как эффективный способ мобилизации масс, тем более в условиях нынешней атомизации российского общества. В таких условиях цивилизационный национализм явился для нынешнего руководства России приемлемым и едва ли не единственным средством консолидации общества. Не имея собственной последовательной и цельной концепции «национальной идеи», власть на практике постепенно утверждает рожденную за пределами Кремля концепцию цивилизационного национализма как доминирующую.

С начала 2000-х годов идея культурной, цивилизационной предопределенности «особого пути» России стала активнее распространяться государственными средствами массовой информации. Например, весной 2006 года она была отражена в 12-серийном цикле телевизионных передач А. Кончаловского под общим названием: «Культура – это судьба». Затем получила широкое распространение в официальной российской политике. «Культура – это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами», – это уже из лекции В. Суркова в Президиуме РАН в июне 2007 года¹⁷. В ней первый заместитель главы Администрации президента России указывает гражданам, что культура определяет *вечные* особенности политического строя. В российском случае это централизованная власть, при которой роль персон важнее законов.

Кремлевская канонизация идеи особой тысячелетней цивилизации, предопределяющей «особый путь» России, постепенно возводит ее в ранг официального «единственно верного учения», призванного заменить марксизм-ленинизм. Армия штатных и внештатных пропагандистов разрабатывает эту золотую жилу, превращая теоретическую концепцию в политическую технологию. Эта идея, прежде всего, призвана легитимировать своеобразное понимание суверенитета (при котором, как когда-то в понятии «самодержавие», смешиваются внешняя независимость и внутренний

¹⁷ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Москва, Президиум РАН. 18 июня 2007 года [<http://www.kreml.org/opinions/152681586>].

авторитаризм) и чрезмерно персонализированный характер системы политической власти¹⁸.

Эта же идеология должна решать задачи политической терапии. Людям внушается бессмысленность и вредность привычки сравнивать положение России с развитыми странами, поскольку Запад для нас не указ – это другая цивилизация. Внедрение в массовое сознание идей об «особой цивилизации» и ее «особом пути» должно выполнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию «чуждых» ей либеральных и демократических веяний. Получается это, правда, плохо, поскольку сравнение себя с Западом – это, пожалуй, самая устойчивая характеристика российской политической мысли последних нескольких веков, вне зависимости от политической ориентации. И все же мечты политических радикалов, таких как политический аналитик Михаил Юрьев, об «идеологическом обеспечении изоляционизма путем создания непреодолимых цивилизационных различий»¹⁹ не стоит считать утопией. Если нельзя заставить людей отказаться от сравнения России с Западом, то политтехнологам вполне удастся выстроить идеологический кордон, направляя такое сравнение в сторону негативных оценок и формируя образ Запада как извечного цивилизационного врага.

Здесь, правда, возникает некоторая сложность: российские власти стремятся избегать идеологической определенности и свой выбор никак не декларируют, предлагая гражданам ориентироваться по внедряемым государством практикам и символам. Важно отметить и то, что российский политический истеблишмент в его нынешнем виде – это не единая монолитная группа, а конгломерат довольно разных чиновничьих кланов, предлагающие де-факто разные версии цивилизационного национализма. Уже поэтому такая доктрина не может быть цельной и определенной.

Так, весьма непоследовательно отношение власти к имперской идеологии как неотъемлемой части российского цивилизационного национализма. С одной стороны, имперский принцип «удержания территорий» канонизирован в российской политике: В. Путин назвал «удержание государства на обширном пространстве» «тысячелетним подвигом России»²⁰. С другой стороны, нынешняя власть никогда не декларировала идеи имперской экспансии, если не считать создания сателлитных анклавов в Абхазии

¹⁸ См.: *Сурков В.* Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма. Ч. 1–2. Москва, февраль 2006 года [<http://surkov.info/publ/4-1-0-13>].

¹⁹ *Юрьев М.* Крепость Россия // Крепость Россия: прощание с либерализмом. Сборник статей. М., 2005. С. 59.

²⁰ Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному собранию РФ. 16 мая 2003 года // «Российская газета». 2003. 17 мая.

и Южной Осетии, антиукраинских эскапад Юрия Лужкова и высказываний ряда других политиков не первого ранга.

Еще одно проявление противоречивости «неуловимой» официальной идеологии связано с проблемой использования в официальном дискурсе обобщенного определения граждан России. В этих целях никогда не применяются термины «русские» и «русский народ», за которыми исторически закрепилась этническая коннотация. В тоже время представители власти уклоняются и от использования сугубо географического термина «россияне», введенного в официальный дискурс при Б. Ельцине, спичрайтеры которого взяли слово, встречающееся в русской художественной литературе еще XIX века. Более того, этнические русские коннотации общего определения граждан российского государства неизбежно проявляются при участившихся попытках властей апеллировать к отечественной истории.

Такие коннотации ныне доминируют не только в учебниках истории и в речах многих деятелей культуры, но и в выступлениях политиков. Единственным средством преодоления этого очевидного противоречия выступает отсылка к надэтническому уровню общности, чаще всего прямо именуемому «цивилизацией».

На практике власти все последние годы совершают сложные маневры в своих отношениях с националистическими тенденциями в обществе.

Власти, с одной стороны, активно культивируют традиционные методы мобилизации общества – мобилизацию военно-героическим прошлым (прославление побед империи) и мобилизацию страхом (образом врага). С другой стороны, возможные при таких мобилизационных методах вспышки милитаризма гасятся, чтобы избежать реальных внешнеполитических конфликтов (как это было в начале второй войны в Ираке или во время спора с Украиной о Керченском проливе в октябре 2003 года) и не позволить усилиться одному из правящих кланов. Исключением в работе этого механизма стала война с Грузией в 2008 году, сильно разогревшая милитаристские настроения масс. Но и в этом случае российские власти старались все же не допустить сильного разогрева внутривнутриполитической милитаристской мобилизации.

Власти, видя крайне высокий уровень этнических предрассудков в обществе, могут идти у них на поводу. После этнического погрома в Кондопоге (30 августа – 3 сентября 2006 года) на высшем уровне зашла речь о необходимости «обеспечения преимуществ коренному населению» (вот вам и поддержка идеи доминирования), а после конфликта с Грузией (осень 2006 года) были введены процентные квоты для работы иностранцев в определенных сферах, в частности на уличных рынках (эта мера на какое-то время вызвала сильный эффект в крупных городах, так что даже Ю. Лужков выступил против инициированного самим В. Путиным решения прави-

тельства, но вскорости торговцы легко нашли пути обхода бюрократического ограничения). Но антигрузинские эксцессы той же осени 2006 года оказались слишком скандальны, и через два года, в ходе и непосредственно после августовской войны, вся мощь пропагандистской машины была брошена на утверждение неэтнического характера конфликта – и действительно, в острейшей ситуации прямого военного конфликта этнических антигрузинских акций в России почти не было.

Власти время от времени поощряют определенные группы националистов, стремясь использовать их в политической борьбе и/или создать лояльную и менее агрессивную версию националистического движения, но до сих пор неудачно. Эпопея «Родины» является тому наиболее известным примером. Нечто сходное происходило позже, в 2008–2009 годах, с прокремлевскими молодежными движениями. В их деятельности вдруг явно проявилась националистическая компонента, так что порой можно было говорить о сходстве с ранним ДПНИ. Однако после ряда экспериментов эта компонента была почти полностью элиминирована, так как никак не удавалось избежать ее радикализации (в том числе в виде инфильтрации со стороны неонаци)²¹.

Уровень ксенофобии в стране не спадает, и это определяет сдвиг популистских сил от поддержки гибридного имперско-националистического проекта в сторону откровенного русского национализма. Однако в ответ почти неизбежен рост мобилизации этнических меньшинств. Такая мобилизация может принять разные формы – этнические, религиозные и даже гражданские, хотя последние маловероятны. В любой своей форме такая мобилизация будет угрожать целостности страны, и когда такая угроза станет вновь очевидной, высока вероятность и нового подъема интереса властей к политике федерализма. Правда такой интерес может к тому времени оказаться запоздалым. Как говорит русская народная мудрость: «Готовь сани летом, а телегу зимой».

---

²¹ Кожевникова Г. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией / Под ред. В. Прибыловского. М., 2010. С. 4–17.